

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ
СБОРНИК

III

ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1979

К ВОПРОСУ О ПУТЯХ ПРОНИКНОВЕНИЯ ИРАНОЯЗЫЧНЫХ ПЛЕМЕН В ПЕРЕДНЮЮ АЗИЮ

Процесс проникновения ираноязычных племен на территорию Иранского нагорья и соседних областей, положивший начало сложению современных западноиранских народов, всегда — а в последнее время особенно — привлекал внимание исследователей.

В настоящее время, пожалуй, большинство исследователей согласно с тем, что начало «иранизации» Иранского нагорья следует связывать с движением племен евразийских степей, которое повело к миграции части степного населения на юг, в Переднюю Азию, протекавшей примерно в рамках последней трети II тыс.—начала I тыс. до н. э. Однако в пределах этого общего вывода существует много вариантов решения более частных вопросов. Так, очень остро сейчас дискутируется вопрос о путях проникновения ираноязычных племен в Переднюю Азию. Здесь можно наметить две основные точки зрения: согласно одной из них, эти племена двигались восточным путем, через Среднюю Азию, согласно другой — западным путем, через Кавказ. И та, и другая точки зрения имеют многих приверженцев. Первое мнение солидно обосновано И. М. Дьяконовым¹, второе — так же тщательно аргументировано Э. А. Грантовским².

Прямых письменных свидетельств о древнейших передвижениях иранских племен не имеется. Поэтому события, связанные с этими передвижениями, обычно реконструируют, опираясь на данные лингвистики и археологии, анализируя географические и этнографические условия и т. д. Так, у Э. А. Грантовского

¹ И. М. Дьяконов, *История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э.*, М.—Л., 1956; см. также: его же, *Восточный Иран до Кира*, — сб. «История Иранского государства и культуры», М., 1971, стр. 122—154.

² Э. А. Грантовский, *Ранняя история иранских племен Передней Азии*, М., 1970; см. также: его же, *О распространении иранских племен на территории Ирана*, — сб. «История Иранского государства и культуры», стр. 286—327. См. указанную там же библиографию.

главным аргументом являются выводы, сделанные на ономастическом материале: пересмотрев этот материал, относящийся к Северо-Западному Ирану, он заключил, что иранский этнический элемент был очень значительным в данной области уже в IX—VIII вв. до н. э., а может быть и ранее, и поэтому (преимущественно) западноиранские племена должны были прийти в Среднюю Азию через Кавказ. И. Алиев, придерживавшийся ранее иного взгляда на этот счет, согласившись с выводами Э. А. Грантовского относительно раннего появления иранских племен в Северо-Западном Иране, также стал считать, что древнейшие иранцы могли проникнуть сюда «только через Кавказ»³. Однако, трактуя этот вопрос, необходимо его рассматривать, как нам кажется, и в широком собственно историческом аспекте. Дело в том, что указанные передвижения степняков на юг, в Переднюю Азию, как восточным, так и западным путем, постоянно совершались и позднее, уже «при полном свете истории». И события, связанные с этими передвижениями, часто отделенные одно от другого несколькими веками, обнаруживают такую устойчивую повторяемость в общих чертах, а иногда и поразительные совпадения в деталях, что невольно напрашивается вывод о каких-то закономерностях, лежащих в основе этих событий. Очевидно, реконструируя ход передвижений, совершавшихся в «темные века», и оценивая их последствия, никак нельзя игнорировать сведения об аналогичных более поздних явлениях. В данной работе мы, конечно, не беремся рассмотреть всю проблему в указанном аспекте, но попытаемся предварительно наметить такое рассмотрение, как кажется, не было бы лишним.

Прежде всего, проследим направление движения кочевников, шедших восточным и западным путем.

Восточный путь можно определить в общих чертах так. На первом этапе кочевники занимают степи Центрального Казахстана и области по Сырдарье и ее притокам (преимущественно в среднем ее течении). На втором этапе они продвигаются вниз по Сырдарье; в это же время они обычно занимают и степи по реке Уралу и ее притокам (здесь открывается путь в поволжские степи и далее на запад). Иногда часть племен отрывается от основной массы и, в конце концов, занимает степи между Каспийским морем и Амударьей, совершая постоянные набеги на соседние оазисы Хорасана. С этого начинается третий этап. Кочевники овладевают оазисами Хорасана и создают здесь свое государство с центром в одном из хорасанских городов. Отсюда происходит наступление кочевников в двух направле-

³ И. Алиев, [рец. на:] Э. А. Грантовский, Ранняя история иранских племен Передней Азии, — ВДИ, 1973, № 3, стр. 175, 178.

ниях: одно — в сторону долин Герируда и Мургаба, Афганского Туркестана и Систана, другое — в сторону Западного Ирана и Месопотамии; завершается это наступление созданием обширной переднеазиатской державы. Указанные передвижения кочевников в степях совершались постоянно, всегда имел место и напор с их стороны на Иран. Но полное завершение описанного процесса происходило далеко не обязательно: это зависело от политической ситуации на юге. Как на пример полностью завершившегося процесса можно сослаться на движение дахов — «парфян» (IV—I вв. до н. э.), закончившееся созданием державы Аршакидов⁴, и на движение огузов-туркмен, закончившееся созданием державы Сельджукидов (VIII—XI вв. н. э.). Имело ли место подобное движение в древнейшее время? Это вполне возможно, хотя доказать с очевидностью этого нельзя. По этому поводу обратим внимание на события, связанные с движением касситов. В XVIII—XVII вв. до н. э. они вторгаются в Вавилонию с востока, а в XVI в. до н. э. завоевывают ее и создают Касситскую державу в Передней Азии. Об истоках движения касситов ничего не известно. Но в языке касситов обнаруживают индоиранские элементы (впрочем, не все исследователи признают их существование). Может быть, проникновение индоиранского компонента в касситскую среду следует связать опять-таки с движением степных племен восточным путем? И не связано ли с этим движением запустение или значительное сокращение площади земледельческих поселений на территории Южной Туркмении и Хорасана, Систана и области Кандагара, происходившее как раз в начале II тысячелетия до н. э.?

Западный путь определяется в общем следующим образом.

⁴ Движение дахов «парфян», если суммировать данные античных авторов (см., в частности: *Agg., Anab.*, III, 28,8,10; *Strab.*, XI,8,2; 9,2—3; *Iust.*, XLI, 1,1—2,10; 4,3—10; *Plin., N. H.*, VI,47—48; 93), можно представить следующим образом. Первый этап: дахи обитают «за Танаисом» (в данном случае — Сырдарья), видимо, к северу от его среднего течения (IV в. до н. э.). Второй этап: дахи обитают «выше Меотиды» (в данном случае — Аральское море), видимо, в низовьях Танаиса; отсюда, «из Скифии», вследствие каких-то «домашних распрей», часть дахов выселилась и постепенно заняла пустыню к востоку от Каспийского моря, рядом с Гирканней, Апаортеной, Ареей и Маргианой; обосновавшись здесь, дахи стали совершать набеги на Гирканию и Нисею, на Парфию и осуществлять нажим на Арею и Маргиану, в которых ими было разрушено два города, две Александрии (конец IV — начало III в. до н. э.). Третий этап: вождь одного из дахских племен, кочевавший по реке Ох (в данном случае — Атрек), овладел некоторыми хорасанскими оазисами и провозгласил себя царем (середина III в. до н. э.); молодое Парфянское царство быстро растет; двигаясь в одном направлении, «парфяне» овладевают Ареей и Маргианой и наступают на Бактрию (наступление это было прервано вторжением сюда новых «скифов»), захватывают Дрангиану и Арахосию; двигаясь в другом направлении, овладевают всем Западным Ираном и Месопотамией. Движение огузов-туркмен можно описать теми же самыми словами, лишь сменив даты и форму собственных имен.

На первом этапе кочевники занимают степи Поволжья и Северного Кавказа. Почти сразу же они устремляются через проходы Кавказа на юг, в Переднюю Азию. Пребывание их там можно считать вторым этапом движения. Кочевники наводняют Северо-Западный Иран, Армению и Северную Месопотамию; если позволяет политическая обстановка, они переносят туда центр своего объединения, впрочем, неустойчивого. Затем, опять-таки смотря по обстоятельствам, переходят Евфрат и совершают набеги в Сирию и Юго-Восточную Анатолию. Отметим здесь, что движение кочевников по западному пути сопровождается другим параллельным процессом: кочевники степей Приазовья, теснимые с востока, также приходят в движение, восточная их часть отступает к югу и, в некоторых случаях, проникает далеко на юг и запад, следуя вдоль берегов Черного моря. И передвижения кочевников в степях по западному пути совершались с не меньшим постоянством, чем по восточному, а утвердившись в поволжских и северокавказских степях, каждое очередное объединение степняков спешило заявить о себе в Передней Азии. При этом западное движение значительно чаще, чем восточное, находило полное, или почти полное, завершение. Как на примеры, можно сослаться на движение скифов (VII в. до н. э.), аланов (I и II вв. н. э.), гуннов (IV в. н. э.), сарагуров (V в. н. э.), савиров (VI в. н. э.) и т. д. Подобное движение имело место, по-видимому, и в гораздо более древнее время. В этой связи можно обратить внимание на обстоятельства возникновения царства Митанни. Это царство возникает в XVI в. до н. э., по-видимому, в результате проникновения в хурритскую среду индоиранских племен (на этот раз уже бесспорных), особенно известных среди соседей своим коневодством. Основная территория Митанни соответствует основной арене действий скифских царей в Передней Азии, а сфера политического влияния Митанни (небольшое государство Юго-Восточной Анатолии, Сирии и, возможно, Палестины, — особенно если признать индоиранский характер имен палестинских царьков той эпохи) совпадает с ареалом скифских набегов в Передней Азии. Эти совпадения будут особенно интересны, если учесть, что примерно в то же время (или немного ранее) в Северо-Восточной Анатолии появляются племена касков, именуемых в современных им источниках «кочевниками», которые постоянными набегами тревожат своих соседей. Позже в этих же местах обосновались киммерийцы, опустошавшие Малую Азию. Не связаны ли с указанными событиями экспансия срубной культуры из Поволжья на запад и частичное вытеснение катакомбной культуры из Приазовья, имевшие место, по-видимому, с середины II тысячелетия до н. э.?

Посмотрим теперь, к каким последствиям для этнической

истории Передней Азии приводили движения кочевников, совершавшиеся восточным и западным путем.

Последствия движения восточным путем, по-видимому, не были всегда совершенно однозначны, но все же общие его результаты должны быть одинаковы. Заключать о судьбе предполагаемых древнейших индоиранцев, шедших восточным путем, невозможно ввиду недостаточности источников. Судить о последствиях движения дахов-«парфян» также довольно затруднительно, отчасти и потому, что пришельцы и коренное население Ирана на этот раз были этнически однородны — и те, и другие были ираноязычны. Зато результаты движения огузов-туркмен очень показательны. В основном оно принесло в Иран новый тюркский элемент и положило начало формированию тюркских народностей Азербайджана (Северо-Западный Иран) и Фарса (Юго-Западный Иран); оно же впервые привело тюркские племена в далекую Центральную Анатолию. Отметим еще, что эти же турки были впоследствии инициаторами создания нескольких государств, возникавших в Западном Иране.

Последствия движения западным путем всегда были одни и те же. Ни одно из них не привело к сколько-нибудь существенному изменению этнографической карты Передней Азии. Степняки, шедшие этим путем, неизбежно растворялись среди местного населения, если не возвращались обратно в степь. Даже митаннийские индоиранцы, политически сумевшие укрепиться в Передней Азии намного более прочно, чем последующие пришельцы с севера, этнически очень быстро исчезают⁵; полагают, что уже в XV в. до н. э. их язык не был живым. Движение кочевников в этом направлении обычно заканчивается тем, что теснимые в степях новой волной пришельцев с востока, они основывают небольшие княжества в предгорьях Северного или Восточного Кавказа, население которых частью на долгие времена сохраняет свою этническую самостоятельность, частью ассимилируется местным населением или поглощается очередным наплывом степняков.

Причину столь резкого различия в последствиях двух указанных движений, как кажется, искать далеко не нужно. Дело в том, что сам характер этих движений был совершенно различен. Движение восточным путем сопровождалось настоящими

⁵ Довольно распространенное представление об этих «месопотамских ариях» как об индийцах, которые, покинув Месопотамию, якобы пустились в далекое странствие на восток, где и заселили, в конце концов, Индию, — кажется исторически совершенно неправдоподобным. Не говоря уже о многом другом, сам путь движения в Индию, в результате которого там появился новый этнический элемент, имел обычно, вплоть до времен Бабура, иное направление: страны к северу от Гиндукуша — долина Кабула — Пенджаб; при этом начальным импульсом движения часто служили события, происходившие в степях Средней или Центральной Азии.

переселениями степняков: ими осваивались новые степные пространства, они же оседали в оазисах. Движение западным путем было только военными набегами. База кочевников всегда оставалась в северных степях, в Передней Азии действовали лишь отряды воинов. Характерно, что уже митаннийские личные имена, имеющие индоиранский характер и относящиеся преимущественно к царскому роду, — только мужские (женские имена — местные); ср. в связи с этим женитьбу скифского царя Прототия на ассирийской царевне. Значительные этнические изменения, как правило, не могут быть следствием только военных походов, сколь бы успешными те ни оказывались; они могут произойти лишь в результате достаточно массового переселения (хотя такие переселения нельзя представлять в виде путешествий народов) и более или менее длительного, постоянного и многостороннего контакта нового населения со старым. Восточный путь обеспечивал возможность таких переселений и контактов: между степями Средней Азии и Ирана нет четкого естественного рубежа; оазисы, разбросанные в них, в большинстве случаев непосредственно переходят в степь. На западном пути этнические коммуникации крайне затруднены: северная степь резко отделена от Передней Азии Кавказским хребтом, проникнуть через который можно лишь по узким горным проходам; степь отделена от Передней Азии и большим массивом горного населения Кавказа и Прикаспия, в этническом отношении очень «консервативного», устойчивого⁶ (как и всякое население больших горных районов).

Итак, если говорить о степени вероятности восточного и западного пути проникновения в Иран племен, принесших туда иранский этнос, то, очевидно, следует признать более реальным первый путь. Судя по ряду признаков, XIII—XII вв. до н. э. являются временем очередного большого передвижения в евразийских степях. Это передвижение, как обычно, сопровождалось, видимо, проникновением степняков в Иран и восточным, и западным путем. Но протоиранцы, которые положили начало «иранизации» Ирана, как позже огузы-туркмены, положившие начало «тюркизации» Ирана, должны были двигаться восточным путем. Именно эти протоиранцы заложили основу для формирования иранских народностей Мидии (Северо-Западный Иран) и Персиды (Юго-Западный Иран), как позже огузы-туркмены сыграли ту же роль в формировании тюркских народностей тех же областей. Из среды этих иранских народностей, как позже из среды потомков огузов-туркмен, вышли основатели больших иранских государств. При этом, если действительно

⁶ Эту этническую устойчивость, разумеется, нельзя приравнивать к экономической или культурной отсталости.

иранцы в значительной массе и в очень раннее время обитали на крайнем северо-западе Ирана, и даже преимущественно там, и если подтвердится, например, раннее проникновение иранцев в Коммагену, то это отнюдь не будет свидетельствовать в пользу западного пути. Если определять путь протоиранцев, исходя из этих фактов, то мы еще с большим основанием могли бы утверждать, что азербайджанцы и турки Анатолии пришли из-за Кавказа.

Попытаемся теперь, основываясь на изложенном выше, восстановить историю древнейших иранцев, двигавшихся в Иран восточным путем. Так как эта история не изложена ни в одном из письменных источников, то при ее реконструкции следовало бы опираться на данные археологии. К сожалению, интерпретация археологических материалов, относящихся к рассматриваемому времени, пока остается еще очень спорной, их последовательность и хронология — неясной⁷. Все же мы вынуждены прибегать и к этим материалам, хотя, разумеется, учитываем сугубую гипотетичность наших построений.

Первый этап. Протоиранцы должны находиться в степях Центрального Казахстана; оптимальной датой для существования протоиранской общности является, как кажется, вторая четверть II тыс. до н. э. В это время в Центральном и частично в Северном Казахстане, по-видимому, складывается раннеалакульская культура (или раннеалакульский вариант андроновской культуры), причем важную роль в сложении ее сыграли, как полагают, срубно-полтавкинские племена.

Второй этап. Протоиранцы движутся в степи Восточного Приаралья и Южного Приуралья; оптимальной датой для начала распада протоиранской общности нужно считать середину II тысячелетия до н. э. Движение протоиранцев, следовательно, совпадает с большим передвижением племен в евразийских степях XVI—XV вв. до н. э. В это время алакульцы начинают экспансию на юг и запад, оттесняя или включая в свой состав племена срубной культуры; так возникают тазабагьябская культура в Восточном Приаралье и варианты алакульской культуры в Южном Приуралье. Смешанный характер этих культур, очевидно, отражает смешанность племенного состава населения. Так было и в дальнейшем. Известно, например, что, когда в те же области продвигались огузы, они включили в свой состав большие группы печенегов, обитавших там ранее. Движение протоиранцев продолжается в период следующего большого передвижения племен, имевшего место в XIII—

---

⁷ Можно было бы привлечь и лингвистические материалы, особенно те, которые свидетельствуют о языковых связях протоиранского. Но при их использовании возникают еще большие трудности.

XII вв. до н. э. В это время алакульцы теряют Центральный Казахстан, но зато, возможно, именно в результате этого передвижения отдельные группы андроновцев появляются, с одной стороны, на Нижней Волге, с другой — на Верхней Амударье.

Сохранились ли какие-нибудь воспоминания об этом периоде в традиции самих иранцев? По-видимому, на данный вопрос можно ответить утвердительно. В зороастрийской литературе нередко встречаются своеобразные географические описания иранского мира, носящие, по всем признакам, очень архаичный характер. Если свести все эти описания (Vend., I, 1—4; 20; Bund., VII, 14—17; XX, 1—9; Zsp., VI, 20—21) в одно, то получим примерно такую картину: с севера, с горы Хара-Брзати, текут две великие реки, Раха и Вахви-Датья, и впадают в море Ворукаша; первая из рек ограничивает мир на западе, вторая — на востоке; с той же горы текут еще восемнадцать рек и вливаются в две первые; спускаясь с гор, реки текут по стране Хванирата. Это древнее описание впоследствии истолковывалось по-своему, — в соответствии с поздними представлениями об иранской земле и ее пределах. И рамки описания представлялись несколько по-иному, и содержание в них вставлялось другое. Из двух великих рек первая всегда считалась западным рубежом, вторая — восточным, но конкретная их идентификация была различной. Первая река, Раха (авест. Raḥa, пехл. Aḡang), обычно отождествлялась с Тигром, и потому в пехлевийских редакциях описания иногда именовалась «Арванд» (Arvand). Вторая река, Вахви-Датья (авест. Vaḥuhi Dāitya, пехл. Dāitik) в данном контексте всегда считалась Амударьей (или Амударьей и Индом) и в пехлевийских редакциях именовалась «рекой Вех» (Vēh gōt). Представление о первой реке восходит к чрезвычайно древней традиции, общей для иранцев и индийцев, которая имела в виду под этой рекой, как давно уже признано исследователями, Волгу. Что касается второй реки, то в данном случае пехлевийские редакторы, судя по ряду признаков, верно передали изначальные представления традиции. Реальным прообразом моря Ворукаша (авест. Vourukaša) является Каспийское море. Страна Хванирата (авест. Hvanirata, по распространенной, хотя и не общепринятой, этимологии «[страна] с искусно сделанными колесницами»), земля иранцев, в иранской космологии считается также центральным из семи каршваров, материков. Гора Хара-Брзати (авест. Naḡa Vəḡəzaiti) в данном случае в целом выступает как мифо-космологический образ; это высочайший хребет, окружающий землю, с северной частью которого связан Ветер, распоряжающийся водами (ср. Рипей греков). Таким образом, традиция сохранила представление о степных просторах между Волгой и Амударьей как о древнейшей территории иранцев.

Важным моментом в движении протоиранцев на юг должно быть освоение отделившейся частью их степного района между Каспийским морем и Амударьей, откуда они могли совершать набеги на соседние земледельческие оазисы. Во второй половине II тысячелетия до н. э. племена, носители культуры степной бронзы (тазабагьябцы? срубники?), занимают весь указанный степной район и оставляют следы своего пребывания в оазисах, примыкающих к нему с юга. Какова археологическая характеристика этих племен? Если исходить из нашей реконструкции событий, то, как будто, следует ожидать, что они явятся носителями алакульской культуры. Но если и окажется, что в их культуре действительно преобладают срубные черты, то это не будет идти вразрез с нашими предположениями. Это будет означать лишь, что в формировании указанных племен значительную роль сыграли местные доандроновские элементы. Аналогичную картину здесь можно наблюдать и в дальнейшем. Известно, что в этом районе огузы включили в свой состав древние аланские племена. В соседних оазисах к концу II тысячелетия до н. э. происходят существенные перемены: прежние культурные традиции резко обрываются, а поселения новой культуры в ряде случаев возникают на новых местах и лишь через определенный временной интервал. Однако возможно, что в каких-то глухих углах древнейшие местные традиции еще продолжают развиваться некоторое время. Местное оседлое население не исчезает сразу, а постепенно оттесняется в горы. Еще во второй половине I тысячелетия до н. э. в Хорасане обитали горцы тапуры, которых иногда именовали и каспиями, — так называли западные иранцы автохтонных жителей горных районов.

Помнит ли об этом моменте движения на юг иранская традиция? По-видимому, да. В Авесте сохранились намеки на какое-то сказание о первом царе иранцев Хаушьяхе, по-видимому, хорошо известное древнеиранскому эпосу. Судя по авестийским отрывкам из этого сказания (Yt., V, 20—23; XIII, 137; XV, 7—8; XVII, 23—26; и др.), Хаушьяха, находясь «у подножья Хары» (или: «у подъема на Хару») и «на Тайре, [вершине] Хары», собирается подчинить все страны и поразить «две трети мазанских девок и варнских нечистых» и совершает это. Хаушьяха (авест. *Haosyaŋha*, в позднем эпосе Хушенг) с эпитетом «Парадата» (авест. *Paradāta*, в позднем эпосе Пешдад; первоначальный смысл — «Первозданный»; затем — «Первый законодатель») в древнейшем эпосе выступает как первый царь. Хара, т. е. Хара-Брзати, здесь фигурирует уже не как абстрактная мировая гора, а в своем конкретном значении; очень рано, уже в авестийские времена, так стали называть прикаспийский хребет, сохранивший древнее название до наших дней (Эльбурз). Мазанские (авест. *Māzanya-*) и варнские (авест. *Varənya-*) враги

Хаушьяхи здесь являются, видимо, коренным населением прикаспийских областей (Мазандерана и Гиляна?). Об опустошительных набегах древнейших иранских царей на богатые земли и города мазандеранских дивов повествует и поздний эпос. Итак, традиция сохранила воспоминания о пребывании древнейших иранцев где-то в Хорасане и о набегах их на соседние оседлые и богатые области.

Третий этап. Обосновавшись в Хорасане, протоиранцы должны были распространиться почти по всему Ирану (в широком смысле этого слова). Это распространение представляло собой наверняка не одно, а несколько вторжений племен из степей, шедших в разных направлениях. Этот процесс опять-таки можно сравнить с распространением огузов по Ирану в XI—XII вв. н. э. Но к X—IX вв. до н. э. значительная часть древнейших иранцев уже осела в оазисах, а из степей Средней Азии они были вытеснены полностью или почти полностью. В степях Центрального Казахстана, по-видимому, уже в XIII—XII вв. до н. э. их место заняли племена протовостоочноиранской группы, а к X—IX вв. до н. э. эти племена господствовали в большей части степей Казахстана и Средней Азии (причем важную роль в среде этих племен с самого начала играли какие-то центрально-азиатские элементы). Отныне волны степняков, шедшие в Иран, были восточноиранскими, или «скифскими» в широком смысле. Древнейшие иранцы этого периода, оседая в разных местах Ирана и в разное время, независимо друг от друга, естественно, не могут характеризоваться единой археологической культурой. Переходя к оседлости, они неизбежно меняли весь облик своей материальной культуры и, приспосабливаясь к новым условиям, многое заимствовали у прежних обитателей оазисов; поэтому не следует ожидать, что археологически эти древнейшие оседлые иранцы обнаружат особую близость к своим ближайшим предкам, степным протоиранцам, — наоборот, легче будет найти у них общие черты с предшествующим земледельческим населением⁸. Одновременно древнейшие иранцы создавали свои объединения, внутри которых формировались новые этнические общности.

Одной из областей, которую освоили в это время иранцы, был Восточный Иран (в широком смысле). Здесь также создавались племенные объединения, в пределах которых развивались группы диалектов, носившие, по-видимому, переходный характер между западно- и восточноиранскими. С западными иранцами эти племена должны были граничить где-то в районе

⁸ Здесь мы касаемся одного из аспектов сложной проблемы взаимоотношения археологической культуры и этноса, а именно, вопроса о преемственности археологических культур и этнических признаков (прежде всего, языка). Как видим, это не всегда одно и то же.

Туркмено-Хорасанских гор⁹. Возможно, что о сложении в этих местах определенной этнической общности сигнализирует появление археологической культуры эпохи «варварской оккупации» (памятники типа Яз I) в X—IX вв. до н. э. Здесь следует искать авестийский мир, «место обитания [авестийских] ариев» (авест. *airuō-šayana*) (эпоха Кавьянидов, примерно IX—VII вв. до н. э.). Авестийские арии имели постоянные контакты с соседними «скифами», точнее турами. Последние непрерывно совершали набеги на своих оседлых соседей, но иногда такие набеги выливались в грандиозные нашествия. Можно отметить два больших вторжения туров в земли авестийских ариев: одно, по видимому, имело место в VIII в. до н. э., другое — в VII в. до н. э. Эти вторжения сопровождалось постепенным продвижением восточноиранского этнического элемента на юг, в том числе и в оазисы. Карта Восточного Ирана и Средней Азии лишь после второго нашествия туров начинает приобретать вид, известный нам по источникам второй половины I тысячелетия до н. э.

Одной из важнейших областей авестийских ариев была Арьяна-Вайджа, предшественница Бактрии (в том же смысле, в каком сама Бактрия являлась предшественницей Тохаристана), хотя, видимо, и не вполне совпадавшая с ней территориально. Арьяна-Вайджа (авест. *Airyānəm vaējō*, пехл. *Egān vēj*) характеризуется как страна «при [реке] Вахви-Датья», причем в верхнем ее течении; рядом с ней располагаются земли туров: область Кангха (авест. *Kaŋha*, пехл. *Kangdēz*) и, ниже по течению реки Вахви-Датья, область Гаупата (пехл. *Gōpatstān*) (см., например: Vend., I, 3; Bund., XX, 13; Dst., XC, 4; Mnchr., LXII, 12—15). Впоследствии область Арьяна-Вайджа, прекратив свое историческое существование, стала приобретать в зороастрийской традиции мифические черты (особенно, по видимому, под влиянием сказаний о Йиме, который также связывался с этой областью). Заметим здесь, что описание зимы, свирепствующей в стране Арьяна-Вайджа, данное в Вендидаде, как полагают исследователи Авесты, являлось частью древнего комментария, интерполированного в текст. Языком этой области, очевидно, и являлся гатский диалект. Когда в этих местах появился восточноиранский «бактрийский» язык, засвидетельствованный памятниками кушанской эпохи, и как долго держался старый язык? Первый мог быть занесен и вторжением тохаров во II в. до н. э., и нашествием туров в VII в. до н. э. Ответить на этот вопрос помог бы анализ ономастического материала, относящегося к Бактрии, а может быть, и привлечение данных

⁹ Широко распространенное мнение о том, что данный район уже в это время входил в состав Парфии, — неверно.

таких языков, как ормури и парачи (реликтовые иранские, но не восточноиранские, языки Северного Афганистана). В стране Арьяна-Вайджа, по-видимому, находилось царство Виштаспы¹⁰, и в ней же, но по другую сторону реки Вахви-Датъя, «на высоком берегу [реки] Дарджа», стоял дом отца Заратуштры (Vend., XIX, 4, 11; Bund., XX, 32; XXIV, 15; XXXII, 3); Заратуштра, как известно, именно в царстве Виштаспы утвердил свое учение.

Дальнейший ход распространения зороастризма — а вместе с ним и традиции, сохранившейся воспоминания о древнейшем прошлом иранцев, — можно представить так. Царство Виштаспы было сметено нашествием туров в VII в. до н. э. Часть подданных Виштаспы и в то же время адептов учения Заратуштры, бежала на запад и обосновалась, скорее всего, в области Рага (авест. Raça). Здесь они были включены в состав мидийского племенного объединения в качестве одного из «племен» и стали известны соседям под названием «маги». Здесь же они канонизировали свои предания, принесенные с востока, как «зороастрийские», так и «дозороастрийские» (сами они, надо думать, отнюдь не считали, что учение Заратуштры исключает их дедовские, «народные», верования и обряды)¹¹, и стали первыми проповедниками зороастризма. Это, разумеется, предварительный и очень предположительный вариант решения сложнейшей проблемы, но заметим следующее: то, что самые ранние известия о Заратуштре (не считая Авесты) прямо связывают его с магами (см., например: Xanth., fr. 29, Müller), которые и у поздних зороастрийцев являются жрецами, что специфические верования и обычаи древнейших магов являются основополагающими и у поздних зороастрийцев, — факт; то, что между первыми зороастрийцами и магами существовало какое-то различие или даже вражда, — лишь более или менее надуманные гипотезы современных исследователей (вольно или невольно уподобляю-

¹⁰ Первоначальным и основным владением первых кавьянидов (от Каваты до Хаусравы) следует считать авестийскую область Хайтумант (авест. Naētumant) — Систан. Но Виштаспа не был прямым наследником этих кавьянидов; согласно традиции, он являлся членом боковой ветви их рода и имел столицу в другом месте. По-видимому, царство Виштаспы было одним из тех владений, на которые распалась держава Хаусравы.

¹¹ На родине их, где вскоре сложилась новая историческая область, Бактрия, зороастрийская община после турского разгрома, скорее всего, уже не возрождалась (самостоятельно). Но в Бактрии сохранилась память о Заратуштре и Виштаспе, там сложилась «бактрийская» традиция о Заратуштре, независимая от магов, засвидетельствованная впервые Ктесием и представленная в позднем иранском эпосе. «Бактрийская» традиция не помнила Арьяна-Вайджу (заменяя ее Бактрией), а зороастрийская традиция магов, естественно, не могла знать Бактрию (данные Вендидада (1,7—8) имеют позднее происхождение; данные Зардушт-наме являются соединением зороастрийской и «бактрийской» традиций).

щих ранний зороастризм таким религиям, как христианство или мусульманство).

Каков был характер движения древнейших иранцев в Переднюю Азию, как следует представлять себе это движение? Было ли это рядом далеких перекочевков скотоводов-кочевников, занимавших новые пастбища и наводнявших области с древней земледельческой культурой? Или это была колонизация новых земель оседлыми земледельцами, стоявшими примерно на том же уровне развития, что и коренное население колонизируемых земель? Выше мы уже говорили, что, согласно общепринятой точке зрения, движение древнейших ираноязычных племен в Иран шло с севера, из евразийских степей. Но движение в этом направлении всегда, на протяжении всей письменной истории, представляло собой экспансию скотоводов-кочевников. Именно такое движение, в известном смысле, определяло историю Ирана. Правда, на рассматриваемой территории известно и движение земледельцев (например, согдийская колонизация; видимо, подобные явления имели место и в более раннее время). Но оно совершалось, скорее, в обратном направлении. Не отличалось оно и такой интенсивностью и постоянством, как первое, не влекло оно и таких последствий для этнической истории. Так что как будто характер движения древнейших иранцев, если учесть его место в ряду исторических аналогий,—ясен. Но, может быть, в данном случае мы имеем исключение, обусловленное какими-то чрезвычайными обстоятельствами?

Данные лингвистики вряд ли могут подтвердить такое предположение. Лингвистами давно уже сделано наблюдение, не опровергнутое и ныне: лексика, общая для языков индоиранских и других индоевропейских, иранских и других индоиранских и даже отдельных иранских, связанная со скотоводством,—очень богата и разнообразна, и напротив, связанная с земледелием,—очень бедна. Это обстоятельство в достаточной мере характеризует относительную роль скотоводства и земледелия в хозяйстве протоиранцев и их предков. О земледелии можно лишь сказать, что протоиранцы не порывали с ним совсем (но то же самое можно сказать и о большинстве известных кочевников, например о таких, как казахи XVI—XVIII вв. н. э.; последние, между прочим, занимались в своих степях и пахотным земледелием на землях искусственного орошения).

Данные археологии вполне соответствуют данным лингвистики. Известно, что на территории, в пределах которой ищут обычно места обитания протоиранцев и их предков, т. е. в западной части евразийских степей, скотоводство имело особое значение с самого начала существования производящего хозяйства. И в этом отношении племена, обитавшие там, достаточно четко отличались от соседнего земледельческого населения,—например,

от племен классической трипольской культуры. В дальнейшем роль скотоводства в хозяйстве племен степной территории становилась все более значительной. Мы не будем здесь касаться сложной проблемы генезиса кочевого хозяйства, но заметим, что в настоящее время некоторые археологи находят возможным говорить о кочевничестве уже ямных племен; даже те археологи, которые не склонны признавать кочевничество столь древним, допускают, что кочевое хозяйство могло возникнуть у алакульских племен. Земледелие степнякам того времени было известно, но оно в их хозяйстве занимало явно подчиненное место.

О том же, о чем свидетельствуют данные лингвистики и археологии, говорит иранская и индийская историческая традиция. В ней имеются прямые указания на кочевой образ жизни предков. Можно напомнить в этой связи и миф о Йиме, имеющий общеиндоиранский характер. Известно, что Йима (Яма) — один из древнейших индоиранских эпических героев, и в сказаниях о нем нашли отражение наиболее древние черты индоиранского быта. Йима, наделенный эпитетом «богатый хорошинами стадами» (*hvanθva*), становится царем над землей, наполненной «мелким и крупным скотом, людьми, собаками и птицами и красными огнями пылающими»; периодически, когда уже не хватает места для «мелкого и крупного скота и людей», он расширяет землю на одну треть (*Vend.*, II, 1—10). Миф характерен тем, какое значение в нем имеют стада «мелкого и крупного скота» (хотя прямых указаний на кочевничество, как таковое, в нем нет).

Наконец, уже в исторические времена часть персидских и мидийских племен была кочевой; многочисленные следы недавнего преобладания скотоводства и подвижного образа жизни можно обнаружить в быту авестийских племен. Если допустить, что, например, персидские племена лишь на месте, в Юго-Западном Иране, перешли к кочевничеству, то придется согласиться с таким парадоксом: племена, за довольно короткий срок прошедшие огромное расстояние от степей Северного Кавказа до Фарса, оставались тем не менее оседлыми и, лишь осев в Фарсе, стали кочевниками. Кроме того, такое допущение опять-таки противоречило бы всему ходу истории: известно, что массовым и непрерывным, длящимся вплоть до наших дней, является процесс перехода кочевых скотоводов к оседлости, а не оседлых земледельцев к кочевничеству.

Почему мигрирующие ираноязычные племена оказались этнически активной, ассимилирующей стороной и, в частности, как этот факт связан с тем положением, которое заняли иранские иммигранты в среде коренного населения? Ответ на этот вопрос естественно вытекает из всего изложенного выше. История показывает, что существенные этнические сдвиги в Иране

происходили тогда, когда в него переселялись с севера большие массы степняков-кочевников. Эти степняки обычно проявляли и наибольшую военную и политическую активность: они поставляли воинов (особенно конных), они же оказывались основателями новых царств и династий (даже в том случае, если попадали в области древней цивилизации в качестве рабов). Дело, разумеется, не в этнической принадлежности степняков. Сначала они были ираноязычны (или индоираноязычны), затем, когда иранский элемент иссяк в степном резервуаре, их заменили тюркоязычные степняки, которые стали играть по отношению к оседлым областям (теперь уже этнически иранским) ту же роль, какую играли их ираноязычные предшественники. Отмеченное положение никак не противоречит всему тому, что мы знаем о древнейших иранцах и индоиранцах в Передней Азии. Конечно, эти явления не следует представлять упрощенно. Степняки в оседлых областях не везде и не сразу становились абсолютно господствующим слоем. В древних и относительно крупных государствах, где были сильны местные традиции, у власти еще долгое время оставались местные династии. Но показательно именно то, что в массе небольших владений у власти оказываются иранские роды. Из этих небольших государств впоследствии вырастают державы Дейокидов и Ахеменидов.